

Зарубежная философия.
Новые публикации

**НИЦШЕ:
ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ БОГА***

Предлагаемая работа представляет собой текст лекции, написанный Марселем в 1957 г. перед поездкой в Японию, где эта лекция и была прочитана в первый раз. Затем она читалась в Базеле и Вене, обсуждалась в Philosophicum коллеже в Париже, была прочитана в Брюсселе и Антверпене, а также во многих университетских центрах США. Кроме этой лекции у Марселя есть еще одна работа, в которой он обращается к Ницше. На коллоквиуме в Руаймоне, посвященном немецкому философу, Марсель выступил с небольшим сообщением, в котором проанализировал § 346 из 5-й книги «Веселой науки» (см.: *Marcel G. Notre point d'interrogation // Nietzsche.* – Paris, 1967. – P. 103 –113).

*Вступительное слово,
перевод и примечания В.П. Визгина*

Г. МАРСЕЛЬ

Из названия моей лекции уже ясно, что речь в ней пойдет главным образом о Ницше. Сказать «Ницше принадлежит прошлому» значит совершить самую худшую ошибку из всех возможных. Ибо истина в противоположном, и это верно особенно для тех, кто считает себя его противником. На самом деле Ницше – самый современный из наших современников. Будем же остерегаться принимать всерьез того, кто высокомерным тоном объявляет, что Ницше преодолен. Прежде чем претендовать на его преодоление, следовало бы увериться в том, что по уровню мысли мы с ним сравнялись. А этого нелегко достичь. Кроме того следует добавить, что Ницше сам себя преодолевает или превосходит почти во всех направлениях. Это справедливо, пожалуй, для всех великих мыслителей, но особенно относится к нему, потому что, в конце концов, он так и не пришел к тому, чтобы создать собственную систему. Это, впрочем, не только недостаток или некая ущербность, но и превосходство, так как в негативной форме оно указывает на то, что этот человек действительно «экзистировал» в смысле Кьеркегора, причем на неопишимо интенсивном уровне.

---

* Перевод выполнен по изданию: *Marcel G. Nietzsche: l'homme devant la mort de Dieu // Cahier de l'association «Présence de Gabriel Marcel».* – Paris, 1979. № 1. – P. 9 – 24. В настоящем номере публикуется первая часть лекции.

Говорить о смерти Бога, значит, совершать прежде всего акт, носящий по сути дела характер оповещения (Kundgebung). Сказав «по сути дела», я тем самым хочу сказать, что здесь мы максимально далеки от документируемого факта, сообщение о котором, если при этом все учтено, могло бы рассматриваться как нечто случайное, как это имеет место, например, в случае смерти эмпирически данного существа — Юлия Цезаря или Гёте. Тем не менее, обратим на это внимание, в этом утверждении Бог неким образом уподобляется именно эмпирически наличному существу, о кончине которого объявляется. Мы еще вернемся к этом моменту.

Уже у молодого Гегеля в его работе «Вера и знание»¹ присутствует выражение «смерть Бога». Если я не ошибаюсь, его можно найти и у Генриха Гейне². Однако полноту своего трагического звучания это утверждение обретает только у Ницше. В особой тональности и как еще нечто случайное оно встречается прежде всего в «Веселой науке» (§ 125. Безумный человек, Der tolle Mensch). Я приведу здесь несколько самых важных мест этого знаменитого текста:

«Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: “Я ищу Бога! Я ищу Бога!”. Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? — сказал один. Он заблудился как ребенок — сказал другой. Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плаванье? Эмигрировал? — так кричали и смеялись они вперемежку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. “Где Бог? — воскликнул он. — Я хочу сказать вам это! Мы его убили — вы и я! Мы все его убийцы!

...Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смое с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!” — Здесь замолчал безумный человек и снова стал смотреть на своих слушателей; молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец, он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. “Я пришел слишком рано, — сказал он, — мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам — весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и

услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, — и все-таки вы совершили его!»³.

Эта тема будет повторена, но в другом регистре, через четыре года, в начале пятой книги «Веселой науки». Уже само название соответствующего параграфа является показательным — «Какой толк в нашей веселости»:

«Величайшее из новых событий — что “Бог умер” и что вера в христианского Бога стала чем-то не заслуживающим доверия — начинает уже бросать на Европу свои первые тени. По крайней мере, тем многим, чьи глаза и подозрение в глазах достаточно сильны и зорки для этого зрелища, кажется, будто закатилось какое-то солнце, будто обернулось сомнением какое-то старое глубокое доверие: с каждым днем наш старый мир должен выглядеть для них все более закатывающимся, более подозрительным, более чуждым, “более дряхлым”. Но в главном можно сказать: само событие слишком велико, слишком отдаленно, слишком недоступно восприятию большинства, чтобы и сами слухи о нем можно было считать уже дошедшими, — не говоря о том, сколь немногие ведают еще, что, собственно, тут случилось и что впредь с погребением этой веры должно рухнуть все воздвигнутое на ней, опиравшееся на нее, вросшее в нее, — к примеру, вся наша европейская мораль. Предстоит длительное изобилие и череда обвалов, разрушений, погибелей, крахов: кто бы нынче угадал все это настолько, чтобы рискнуть войти в роль учителя и глашатая этой чудовищной логики ужаса, пророка помрачения и солнечного затмения, равных которым, по-видимому, не было еще на земле?»⁴.

Странно и знаменательно, что этот текст, поначалу кажущийся нам, живущим в 1958 году, столь мрачным и как бы пронизанным пророческим тоном, завершается совершенно другой нотой, нотой радостной надежды:

«Мы, философы и “свободные умы”, чувствуем себя при вести о том, что “старый Бог умер”, как бы осиянными новой утренней зарей; наше сердце преисполняется при этом благодарности, удивления, предчувствия, ожидания, — наконец, нам снова открыт горизонт, даже если он и затуманен; наконец, наши корабли снова могут пуститься в плавание, готовые ко всякой опасности; снова дозволен всякий риск познающего; море, наше море снова лежит перед нами открытым; быть может, никогда еще не было столь “открытого моря”»⁵.

Значение этого, звучащего в разных тональностях, текста невозможно преувеличить. Трагическое чувство непоправимого соединено здесь с бодрым доверием к свободному будущему, правда, скорее желаемому, чем действительно прочувствованному. Прежде всего, на мой взгляд, следует заметить, что, как и в «Заратустре», Ницше здесь

действительно говорит как пророк, при этом «пророчество» нужно понимать, как и всегда, не единственно и даже в принципе не только в смысле предсказания, осуществляемого во времени: Ницше говорит от имени кого-то. Он говорит от имени свободных умов, чьим рупором он себя считает. Здесь можно сослаться на знаменитое выражение из книги «По ту сторону добра и зла» (§ 61. *Wir freien Geister*)⁶. Перечитаем еще раз одну фразу из процитированного нами места из «Веселой науки»: «По крайней мере, тем немногим, чьи глаза и подозрение в глазах достаточно сильны и зорки для этого зрелища⁷, кажется, будто закатилось солнце».

В своем основательном исследовании, посвященном проблеме смерти Бога у Ницше и включенном в сборник «*Holzwege*»⁸, Хайдеггер заявляет, что слова «Бог мертв» означают по сути дела отстранение (*Herabsetzung*) сверхчувственного мира и тем самым недоверие к традиционной оппозиции между чувственным и умопостигаемым. Некоторым образом это действительно так, но мне кажется, что такой способ представлять себе дело лишает ницшевское утверждение его трагического и подлинно экзистенциального звучания. Ведь говорящий «Бог мертв», по правде говоря, это не тот человек, который теперь отрицает некое учение, разделявшееся им в прошлом. Для того, кто так говорит, Бог только что был живым, был Ты, и мы хорошо знаем, что именно так и обстояло дело с юным Ницше. Следовательно, здесь перед нами трагедия, трагедия отречения. Отрекающийся начинает испытывать по отношению к себе самому чувство ужаса, смешанного с отвращением, и лишь спустя немалое время после этого он примирится со своим поступком и спокойно примет его. Именно эти фазы отречения ясно чувствуются в процитированных мною текстах из «Веселой науки».

Это замечание не лишено значимости, ибо позволяет поставить под вопрос законность реконструкции Хайдеггером того, что он называет метафизикой Ницше. Озабоченный тем, чтобы включить ее в свою собственную концепцию, Хайдеггер скажет, что Ницше отмечает собой предельный и действительно необходимый рубеж, достигнутый западной метафизикой. Эта метафизика, истоки которой находятся, быть может, у Сократа или скорее уже у досократиков, представляет собой, как известно, в его глазах историю забвения бытия в пользу существующего (*l'étant*). Эта история, по крайней мере, в своих последних фазах, оказывается погружением в нигилизм, который все больше и больше затрудняется определить свои истоки и осознать самого себя. Но здесь имеется одно исключение, которым и является как раз сам Ницше. Не будем, однако, закрывать глаза на то, что здесь, как почти всегда, когда Хайдеггер стремится проникнуть в мысль одного из своих предшественников, он почти неизбежно создает

своего рода смесь из своей собственной философии и из той, которую стремится постичь.

В «Воле к власти» Ницше ставит вопрос: Что означает нигилизм? И отвечает, что это слово означает обесценивание высших ценностей (см.: *Heidegger M. Holzwege.* — S. 205). Они обесцениваются, начиная с того момента, как обнаруживается, что мир идеалов не может осуществиться в реальном мире⁹. Как только это выявляется, так сразу же высшие ценности перестают восприниматься сознанием как обязательные к исполнению. Но для Ницше их обесценивание ведет к полаганию новых ценностей. Поэтому слово «нигилизм» обнаруживает в его глазах свою предельную двусмысленность. Ницше считает, что, прежде всего, существует начальная форма нигилизма — пессимизм слабости, характерный для Шопенгауэра. Такой пессимизм приходит к отрицанию жизни, т.е. существующего. Но, полагает Ницше, имеется и другой пессимизм, пессимизм силы, который видит угрожающую жизни опасность и бросает ей вызов, не удовлетворяясь ничем, что стремится ее скрыть или завуалировать. Такой нигилизм, полностью себя осознающий, приходит к задаче переоценки всех ценностей. Почему? Потому что впервые в нем и вместе с ним ценность достигает полноты своего понимания. В «Воле к власти» (§ 715) Ницше дает нам окончательное разъяснение этого момента:

«Точка зрения “ценности” — это точка зрения условий сохранения, условий подъема сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри процесса становления»¹⁰ (цит. по: *Heidegger M. Holzwege.* — S. 210). Таким образом, для ценности существенно важно быть точкой зрения. В этимологическом смысле быть ценным означает быть принятым к рассмотрению. Но рассматривать означает также рассчитывать-на и считаться-с. Таким образом, ценность связана с определенным количеством, выстраиваясь поэтому в некую шкалу. Остается, впрочем, выяснить, на чем основывается такая шкала. Следуя тому толкованию, о котором я не могу сказать, что таков действительно был ход мысли Ницше, Хайдеггер считает, что здесь, исходя от нацеленности взгляда или рассмотрения, обретается эйдос, восприятие. При этом он замечает, что у Лейбница восприятие не отделялось от вожделения. Кроме того, заметим — и здесь мы, с уверенностью можно сказать, следуем за самим Ницше, — что между сохранением и ростом существует самая тесная связь, так как живое существо сохраняет себя лишь при условии наличия у него стремления к возрастанию, в отсутствии которого оно начинает приходить в упадок.

Что же означает воля к власти для Ницше, мы постигаем, исходя, конечно же, из рассмотрения жизни. Но воля к власти не отделена не только от жизни, но и от ценности. Ведь ценность выступает

неким образом как условие самополагания воли к власти. Можно, видимо, сказать, что осознание этих взаимосвязей, которое впервые и радикальным образом происходит у Ницше, и означает, или возвещает, смерть Бога. Если сказанное справедливо, то в данной перспективе истина уже перестает быть высшей ценностью, будучи свергнутой со своего центрального места в пользу искусства как чистого творчества. На мой взгляд, впрочем, это лишь одно из возможных толкований мысли Ницше. Я не считаю, что верная ее интерпретация должна непременно приводить к приоритету эстетического начала. Поскольку акцент у автора «Заратустры» сделан на моральной заповеди, постольку ориентация у него иная. Впрочем, ясно — и Ясперс в своей книге о Ницше (*Jaspers K. Nietzsche. Einführung in das Verständnis seines Philosophierens. — S. 268*)¹¹ совершенно справедливо это подчеркивает, — что теория воли к власти содержит в себе неустранимую двусмысленность. Ведь сам Ницше пишет, что он обнаружил силу там, где он ее и не искал, а именно у людей маленьких и простых, у людей мягкого темперамента, не имеющих никакой склонности господствовать над другими (*Nietzsche F. Œuvres Complètes. T. 11. — P. 25*). Говорить же, как это Ницше и сказал в другом месте, что воля к служению другим все еще является выражением воли к власти — значит играть, как это делает и Сартр, когда утверждает, что искренность — это особый вид лукавства. Трудности, практически непреодолимые, с которыми сталкивается Ницше в своей теории воли к власти, на мой взгляд, с достаточной убедительностью показывают, что тот, кто любой ценой истолковывает Ницше как метафизика (как это делает, например, Хайдеггер), становится, по всей видимости, на ложный путь. Впрочем, нетрудно показать, что воля к власти может быть оценена лишь с позиции, не являющейся и не могущей больше быть позицией воли к власти, и этого достаточно для того, чтобы показать, что Ницше, поверив в принцип воли к власти как в единственно возможное основание оценивания, совершил ошибку.

Трудно отрицать, что между тезисом о смерти Бога и осознанием воли к власти существует тесная взаимосвязь. У некоторых умов, испытавших влияние Ницше, например, у Мальро, если судить, по крайней мере, по его первым книгам, в частности, по роману «Условия человеческого существования»¹², человек во имя того, что он считает своим преимуществом, отказывается признавать высшую суверенную волю, которая поставила бы его в зависимое от нее положение. Действующая здесь *invidia*¹³, или ресентимент, — чего, конечно же, не лишен и Сартр — отсылает нас, впрочем, к вульгаризированному и упрощенному восприятию ницшевской мысли. Действительно, подлинная мысль Ницше несет с собой своего рода ностальгию и даже

тревогу, которые трансформируются в надежду, скорее желаемую, чем на самом деле испытываемую.

Но в надежду для кого? Здесь опять мы должны вспомнить о том круге «свободных умов», рупором которых Ницше хотел быть. Приступая ко второй части этой лекции, мы должны выяснить, кто же это такие — свободные умы и что они из себя представляют. Однако ответ на этот вопрос может нас сильно разочаровать. По-видимому, речь здесь идет о тех, кто в своей жизни был более или менее эстетом или дилетантом, но никогда не принимал на себя высшей ответственности, которая в ницшевской перспективе должна была бы ему выпасть. И я склонен считать, что расследование, проводимое с достаточной тщательностью, показало бы, что в действительности в окружении Ницше его подлинных учеников и, более того, равных ему не было. И разве мог Ницше этого не замечать? Все в его сочинениях показывает нам, что никто с такой болью не переживал одиночества, одновременно и желаемого и претерпеваемого, как это довелось Ницше. Одиночество казалось ему неумолимой судьбой, своего рода платой за его избранность, хотя это слово — избранность — несет в себе противоречие, поскольку Ницше считал себя зависимым лишь от себя самого.

Однако истина куда более жестока. В свое время мне говорили — и у меня нет никаких оснований этому не верить, — что в 1946 г. на аэродроме в Женеве, Сартр, выйдя из самолета и попав в окружение журналистов, пришедших его поприветствовать, бросил им такую фразу: «Господа, Бог мертв». Вот здесь деградация мысли Ницше очевидна. Его мысль о смерти Бога превращается в устах Сартра в присказку, подбавляющую звездам эстрады, цветные фотографии которых украшают обложки многотиражных еженедельников.

Теперь давайте вернемся к сказанному нами выше. Ницше и «свободные умы», составлявшие его эскорт, более или менее воображаемый, по сути дела, считали себя как бы астрономами, находящимися в привилегированном положении для наблюдений, которое позволяло им сказать — «вот вы, в отличие от нас, вы запаздываете, новость, неслыханная по своему масштабу и значению, еще не дошла до ваших органов чувств, а мы, мы ее уже уловили; вы введены в заблуждение светом звезд, которые уже давно потухли. А мы, в отличие от вас, хорошо знаем, что эти звезды уже не светят».

Существует немало еще верующих людей, продолжающих посещать церкви, молиться Богу, для них еще живому. Исходя из этого можно возразить Ницше с его тезисом, но в перспективе астрономического сравнения такое возражение предстает могущим быть сведенным на нет. Однако при каких условиях? При условии, что эти астрономы могут оправдать свое суждение: «Мы опередили вас, а вы — ретрограды».

Вот здесь и встает проблема, действительно чрезвычайно трудная для решения. Что может или могло бы быть таким оправданием? Речь при этом не может идти о доказательстве, подобном тому, которое было набросано Сартром в его книге «Бытие и ничто». Речь идет скорее о том, что следует, быть может, назвать высшей экзистенциальной зрелостью. Но слова не должны вводить нас в заблуждение: каким образом и кем сама эта зрелость может быть признана? Очевидно, ее нельзя свести к исключительно субъективному ее осознанию индивидом, который верит, что он сам наделен такой зрелостью. Но она также не дает повода для чего-то подобного верификации. Поэтому следовало бы, видимо, обратиться к идее очевидной способности к плодотворности. Но, положив руку на сердце, можем ли мы сказать, что плодотворные результаты мысли Ницше заставляют нас признать в ней эту самую экзистенциальную зрелость? Здесь, конечно, нужно опасаться этого скромного местоимения «мы». Кто, собственно, под «мы» здесь подразумевается?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о раннем сочинении Гегеля «Вера и знание» («Glauben und Wissen», 1802). «Молодой Гегель в конце своего трактата “Вера и знание”, – говорит Хайдеггер, – пишет о “чувстве, на которое опирается вся религия нового времени, о чувстве: сам Бог мертв”» (Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7. – С. 146). Это высказывание Гегеля содержится в издании: *Hegel G.W.F. Werke. Bd. 1. – Berlin, 1832. – S. 157.*

² Эмоционально-поэтическое восприятие события смерти Бога задолго до Ницше мы действительно находим у Гейне: «Какое-то чувство неизъяснимого ужаса, какой-то таинственный пиетет не позволяет нам сегодня писать дальше. Наша грудь полна ужасающего сострадания – к смерти готовится сам старый Иегова... Слышите звяканье колокольчика? Преклоните колена... Это несут дары умирающему богу» (Гейне Г. Собр. соч. Т. 6. – М., 1958. – С. 92 – 93).

³ Текст Ницше мы цитируем по переводу К. Свасьяна: *Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 592 – 593.*

⁴ Цит. по: *Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. – С. 662.*

⁵ Там же. – С. 663.

⁶ Мы, свободные умы (нем.).

⁷ Имеется в виду зрелище «величайшего события» – «смерти Бога».

⁸ «Тропы, которые никуда не ведут» – так переводят это название книги Хайдеггера во Франции. В.В. Бибихин передает его короче – «Лесные тропы», а А.В. Михайлов – «Неторные тропы» (Heidegger M. Holzwege. – Frankfurt-a/ M., 1950). Работа Хайдеггера, о которой говорит здесь Марсель, носит название «Слова Ницше “Бог мертв”». «Главные ее разделы, – говорит ее автор, – неоднократно читались перед небольшими кружками в 1943 году. Содержание статьи восходит к лекциям в университете Фрейбурга»

ин-Брейсгау, которые я читал в течение пяти семестров между 1936 и 1940 г. Их задача заключалась в том, чтобы постичь, на основе исторического совершения бытия, мышление Ницше как завершение западной метафизики» (Holzwege. – С. 369 – 370. Цит. по: Михайлов А.В. Предисловие к публикации // Вопросы философии. 1990. № 7. – С. 138).

⁹ Здесь и ниже Марсель излагает позицию Ницше близко к тому, как ее представляет Хайдеггер в своей статье «Слова Ницше “Бог мертв”». Мы считаем нужным воспроизвести здесь комментарий А.В. Михайлова к его переводу указанной статьи Хайдеггера: «Это рассуждение вносит противоречие и в ход мысли Ницше, и в ход мысли Хайдеггера: христианство с самого начала учило тому, что идеальный мир неосуществим в пределах земного мира, поэтому непонятно, отчего люди лишь постепенно осознают это и когда же начинают колебаться высшие ценности» (Михайлов А.В. Примечания // Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». – С. 175. Прим. 11). Христианство всегда учило, что в земной жизни, в мире сем, который «во зле лежит», высшие ценности в принципе неосуществимы (в полном объеме и лишь человеческими усилиями). Но отсюда вовсе не следует с таким нажимом «разоблачаемая» Ницше безжизненность и даже антижизненность христианства (да и платонизма тоже). Поэтому можно сказать и жестче: поскольку у Ницше действительно основу подвергаемых им переоценке высших ценностей составляют ценности христианские, то такое рассуждение можно назвать просто ошибкой. Отход западных европейцев от христианских ценностей (слово «ценность» здесь не слишком подходит, но все-таки в данном контексте оно допустимо) – это такая сложная и долгая история, которая в подобное рассуждение никак не укладывается. Важный этап истории секуляризации западноевропейского сознания представлен в замечательном исследовании французского историка Поля Азара: *Hazard P. La crise de la conscience européenne 1680 – 1715.* – Paris, 1961.

¹⁰ Текст Ницше, цитируемый Хайдеггером, мы приводим по изданию: *Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей.* – М., 1994. – С. 341. Несколько иной перевод этого текста см.: *Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» / пер. А.В. Михайлова // Вопросы философии. 1990. № 7. – С. 153.*

¹¹ См.: *Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования.* – СПб., 2004.

¹² *Мальро А. Условия человеческого существования.* – М., 1935.

¹³ Зависть (лат.).

Окончание следует